

но отрицать, что в эти годы он возглавлял борьбу крестьянства против дворянско-помещичьей реакции, и что на деникинском фронте был — хоть на краткий миг — осуществлен союз пролетариата и крестьянства, союз, который играет столь видную роль в большевистской фразеологии и закрепление которого было бы величайшим историческим делом советской власти. Но скоро, очень скоро штыки и пулеметы красноармейцев обратились против деревни, и с тех пор борьба диктаторствующей партии с деревней является осью всей внутренней политики Союза «рабоче-крестьянских» республик. В советской конституции, с 7-степенными выборами и неравным представительством городского и сельского населения; в советском бюджете, всей тяжестью своей давящем крестьянство; в советской хозяйственной политике, систематически экспроприрующей крестьянские хозяйства в пользу «потешных» предприятий казны; в ношении нем, в организации внешней и внутренней торговли, — во всем красной нитью проходит борьба диктаторствующей партии с тем общественным классом, который составляет большинство трудящегося населения России. И эта борьба — не случайная гримаса советской действительности, которая могла бы быть изжита победой рыковцев над сталинцами на кремлевском Олимпе. Эта борьба — естественный, исторически неизбежный результат попытки осуществить социализм методами насилия в стране, где отсутствовали предпосылки для демократического преодоления капитализма.

Зрелость страны для ее перехода к социализму определяется ее хозяйственной структурой, — не числом доменных печей, не мощностью паровых турбин и электромоторов, не числом автомобилей, а, прежде всего, численностью и взаимоотношением тех социальных классов, которые являются живыми носителями производительных сил и хозяйственной организации. Решающим признаком является при этом численность пролетариата, коэффициент пролетаризации. Лишь там, где пролетариат (один или вместе с близкими ему полупролетарскими элементами) составляет большинство населения, может он осуществить свой хозяйственный идеал. Там, где не дана эта предпосылка, речь может идти лишь о расширении общественных предприятий, но эта политика имеет свои пределы. Демократический принцип дает чувствительный манометр для измерения давления социалистических паров в котле. Большевики заменили манометр штыком.

Свои неудачи на фронте социалистического строительства они пытались объяснить трудностью построения социализма в одной стране. В действительности, этот нумерический признак не имеет решающего значения: если бы опыт производился одновременно в России, Китае, Тибете, Афганистане, Хиве, Бухаре и Персии, — то в этих семи странах построить социализм было бы так же невозможно, как в одной России. Дело не в ограниченности территории, а в степени хозяйственного развития, в экономической и социальной зрелости населения, которого диктаторская власть бросила на висекционный стол своих опытов.

При численно ничтожном, политически мало подготовленном пролетариате, строительство социализма в России должно было выразиться в воскрешении аракчеевщины. Кто то должен был платить за дорогостоящий опыт, платить могли лишь мужики, — и потому острее государственной машины должно было обратиться против деревни. Но в деревне — большинство населения России, и потому советская система должна была возвести в принцип бесправие.

История показывает, что меньшинство может веками и тысячелетиями господствовать над большинством, — если только оно дает этому большинству все то, чего требует его хозяйственный быт, — прежде всего, мир, безопасность, возможность реализации хозяйственных излишков (так обстояло, между прочим, дело в древнем Египте). Но именно поэтому просвещенный абсолютизм невозможен там, где хозяйственная программа государственной власти не отвечает объективному ходу развития страны и противоречит стремлениям большинства населения. Где имеется налицо такое противоречие, там абсолютизм неизбежно теряет свой «просвещенный» характер и вырождается в деспотизм, — диктатура отбрасывает на страну кровавую тень террора.

Это и случилось в Советской России: по глубоко верному замечанию П. Б. Аксельрода, диктатура именем пролетариата превратилась в диктатуру над пролетариатом.

По-прежнему стоит на русской границе триумфальная арка с многоязычной надписью:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

По-прежнему развевается красный флаг над Кремлем. По-прежнему скрипят тысячи казенных перьев, работают наборщики, вертятся валы ротационных машин, каждый день выбрасываются в свет миллионы листов печатной бумаги, про-